

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

Будь моя воля, я бы издал пять, десять, пятнадцать томов писем, написанных с 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года. Одних писем, без подробных комментариев: тексты говорили бы сами за себя. И неважно, чья подпись под ними — академика, колхозника, красноармейца или домашней хозяйки. Важно, что все они, вместе взятые, помогли бы нам лучше понять суть того горького и высокого времени.

Они хранятся, эти неизданные тома, в деревенских сундуках, в шкапулках, спрятанных в старомодные комоды, на полках архивов, в запасниках музеев, в самых заветных ящиках письменных столов. Над ними уже много лет плачут, задумываются, их вспоминают разные люди, самых разных возрастов и профессий...

Из фонда Петра Драверта

Вот несколько страниц из этой воображаемой огромной книги — письма военных лет, полученные омским ученым и поэтом Петром Дравертом.

Большинство из них хранится в личном фонде П. Л. Драверта — в историко-краеведческом музее.

В начале 1977 года в Любино на пятьдесят восьмом году жизни скоропостижно скончался Иван Семенович Коровкин — известный омский краевед, знаток сибирского фольклора, автор-составитель нескольких фольклорных сборников.

С П. Л. Дравертом молодой Иван Коровкин познакомился еще до войны, относился к нему с огромным уважением. Вот

Военная почта

(Очерки в письмах)

отрывки из нескольких его писем к Драверту, посланных из Меркутлов.

«1 октября 1941.

Дорогой мой Петр Людовикович!

... Невыносимо тяжело, что же такое делается? Да пусть целые века проклинают поколения кровавых людоедов за все их злодеяния! Что они делают на могиле Шевченко, что они делают в Кишиневе, в Киеве! Проклятые, проклятые на века! За разруху, за муки, за трупы. Эх, Петр Людовикович, сердце кровью обливается. Если б у меня были нормальные глаза, разве я сидел бы здесь. Ушел бы, ушел на фронт. Но ведь у меня ведь зрение всего 0,5. Куда с ним денешься? Знать, сиди здесь, да помогай, чем сможешь. Боже мой, сколько людей-то уже погибло, а конца не видать... Победа будет, но как далеко до нее.

В Меркутлы идут вести: троим по руке и ноге оторвало, троих ранило, одного убило. А сколько впереди таких вестей. Ведь пока Гитлер не пропустит через мясорубку всех своих солдат, конца войны не жди».

А вот письмо сельского учителя из Меркутлов от 27 ноября 1941 года, оно рассказывает одну из потрясающих историй войны.

«К нам прибывают нерадостные вести: того ранили, другого ранили. На ферму Казанку приехал с фронта Протасов. Он был в боях. В окопе был ранен в то время, когда вражеский танк, заметив его, двигался прямо на него. Он окопался. Танк проехал ему по ногам и животу, хлынула кровь из носа, рта. Когда танк был в стороне, Протасов приподнялся, стал вытирать кровь. Танкист заметил,

вышел из танка и прямо в грудь выстрелил раненому. Тот без памяти упал. Очнулся. Один. Тишь. Пополз. В соседней деревне перевязали, напоили. Пуля прошла насквозь, задела немного легкое. Сердце не повредило. Из деревни — на дорогу, его подобрала наша автомашина.

Спасся чудом, как видите. В госпитале 33 дня мог только сидеть день и ночь. Теперь дома. Рассказывает и вдруг заплачет. Как тяжело. Это истинная правда...»

Не было бумаги. Письма Ивана Коровкина написаны на обороте каких-то старых счетов, справок, даже на газетах.

Сам Драверт испытывал чувства, подобные тем, которые жгли и его молодого друга. Он, шестидесятидвухлетний, писал тогда одному из друзей: «Тяжело сознавать, что годы, а главное, здоровье не позволяют принять непосредственное участие в борьбе с врагами Родины».

Но он пишет патриотические стихи, выступает по радио, встречается с красноармейцами.

И посмотрите — какая удивительная связь времен!

В страшном, голодном 1921 году Драверт издает в Омске брошюру с красноречивым названием «Об использовании корневища сусака в качестве суррогата хлеба».

Прочтем такие строки: «Когда не хватает настоящего хлеба, а обстоятельства не позволяют быстро пополнить его недостаток, на сцену должны выступить вооруженные знаниями натуралисты и технологи и указать наиболее подходящие суррогаты. Хотелось бы думать, что настоящей статьей я выполню частицу своего долга перед Республикой как гражданин ее и естествоиспытатель».

Двадцать лет спустя, в лихую годину, профессор Драверт снова ищет для области заменители школьного мела, стройматериалов, мыла и других необходимых вещей. Ему помогает его друг и коллега из Меркутлов.

«4 декабря 1941 г.

Дорогой Петр Людовикович!

Старейшая жительница этих мест А. П. Третьякова сообщила, что глина, которая употреблялась вместо мыла и вместо известки в 1918-21 гг., находится около дер. Карбаиново (около 18 км. от Меркутлов). Именно в те годы ее употребляли для стирки белья и для мытья рук...»

Следующее письмо — от 21 декабря 1941 года:

«На всех фермах здесь прошли митинги по поводу провала немцев под Москвой. Я ездил проводить (митинг) на Казанку, а до этого на Хрустальях проводил подписку на денежно-вещевую лотерею. Подписка прошла замечательно. Женщины, не вставая, говорили: «Что надо, то надо. Своим помогаем. Пишите на 50 рублей». Намеченная сумма была намного превышена. Счастье видеть, как дружен, как инициативен наш народ».

Когда-то я писал рецензию на книгу тогда еще молодого московского автора Юрия Полякова о жизни и творчестве поэта Георгия Суворова. Он родом из Хакассии, но служил в Омске, здесь делал первые шаги в литературе, печатался, отсюда уехал на фронт. Человек талантливый, общительный, он имел много друзей, в том числе и Петра Людовиковича Драверта: единственное дошедшее до нас письмо Суворова адресовано именно ему.

Прочитируем письмо поэта-воина полностью.

«Здравствуйте, дорогой Петр Людовикович!

Не случайно пишу Вам это письмо. Я долго его обдумывал, считая неудобным, а потом все-таки выбрал время и сел писать. Я нахожусь в рядах тех бойцов, которые стали стеной вокруг дорогого города Ленина. Природа — болота, низкорослые северные леса — очень напоминают ту, что так точно и вдохновенно описана в вашем сборнике «Сибирь».

Я всегда думал о Вас, но один случай привел меня к этому письму. Передо мной морошка, та, которой я был не раз пьян, читая Ваши стихи.

Родина! Вот, что встало передо мной. Родина — это очень широкое понятие. Тут можно рассуждать. Но когда ее узнаешь — это очень трогательно. Я стал писать стихи, связанные с Сибирью.

Их получилось немало. Отдельные уже напечатаны. А часть попала в мой сборник стихов «Слово солдата», который скоро должен выйти в свет.

Много у меня впечатлений, мыслей и переживаний. Два года на войне. Это что-нибудь да значит. Много бы хотелось Вам рассказать. Но на это, надеюсь, будет встреча. Я часто бываю в Ленинграде. Николай Семенович Тихонов стал моим первым другом, который сделал для меня начало большого дела. Что из этого получится в дальнейшем, сказать трудно. Ленинградские литераторы горячо любят Сибирь. А я им с восторгом рассказываю о наших сибирских поэтах — о Вас, о Леониде Мартынове.

На днях получил «Омский альманах» № 3 и был очень огорчен Вашим неучастием в нем.

У нас сейчас затишье. Но вот грянут бои, и Ваш гвардии лейтенант — поэт Георгий Суворов — загремит на новых дорогах войны. Много еще боев впереди. Но я достаточно привык к ним, и грядущее не страшно. Скорей бы очистить дорожную землю от всякой гадости и вернуться домой, в свои леса, в свою высокогорную Сибирь.

Если есть время, — напишите мне хоть открытку. Из Сибири мне пишут Смердов и Мартынов.

Пока все.

С горячим приветом к Вам — Георгий Суворов...

27.6.43 г.»

«Передо мной морошка, — пишет Г. Суворов, — та, которой я был не раз пьян, читая Ваши стихи». Он имеет в виду популярнейшее стихотворение Петра Драверта «Ягоды тундры».

Сборник «Слово солдата» вышел, но вышел уже после героической гибели автора под Ленинградом. Живут его стихи, живет его человеческий образ. Живет и его письмо к старшему собрату по перу.

Жил-был незаурядный человек — поэт-самоучка Иван Петрович Малютин. Есть в моей библиотеке его книга — «Воспоминания», изданная в Москве в 1958 году. С кем только ни был знаком, с кем только ни встречался ее автор: и с В. Г. Короленко, и с Вячеславом Шишковым, с крестьянским поэтом С. Дрожжиным, с актером В. И. Качаловым, с Т. Л. Щепкиной-Куперник.. В 1918-1920 годах Малютин жил в Омске, здесь познакомился с Дравертом, по-

любил его самого и его стихи. Потом дороги их разошлись. И только в 1944 году И. П. Малютин нашел своего старого друга.

«Дорогой, незабываемый, вечно любимый Петр Людовикович!

Вот уже четверть века пронеслось над моей белеющей от времени головой с дней наших омских встреч, но не утратилась до сих пор светлая и дорогая память о Вас. Все вспоминается до подробностей... И Николай Яковлевич, и Оленич-Гнененко, и Антон Сорокин, и Всеволод Иванов, и прочие...»

И дальше о жизни. Об обыкновенной жизни трудовой семьи в далеком Енисейске. Дочь заведует кафедрой русского языка и литературы в местном пединституте, эвакуирована из Сталинграда с тремя детьми, муж убит под Волоколамском. Остальных дочерей и сыновей разбросала война.

«...Вот так наша семья и растерялась. Спутница моей скитальческой жизни Анна Ив. помогает мне переплести документы для бухгалтерии и бегаёт по хозяйству. Она ещё, как молодая, быстро ходит и всё делает. Ей ещё только 65-й год, а мне 72-й. Живём ничего, ладно, в книжном окружении, каждый день что-нибудь читаем. Тоня делает выписки из книг, а я читаю. Хорошую книгу прислал Телешев Н. Д., директор музея МХАТа, — «Записки писателя» — воспоминания о писателях и театре лет за 50-60. Ему уже 77 лет. Он только и пишет мне, да ещё Вас. Ив. Качалов. Глазенап С. П. уже умер давненько, а о Морозове Н. А. и Вере Фигнер ничего не знаю, живы ли. И многие другие писатели затерялись из вида, то на фронте, то в разъездах.»

Ещё до революции Драверт познакомился с Владимиром Ивановичем Вернадским — одним из выдающихся учёных и мыслителей нашего века. «Мой старый друг» называл Вернадский своего сибирского коллегу, он цитировал его в своих статьях, а в качестве эпиграфов к ним брал дравертовские стихи.

Петр Людовикович писал Владимиру Ивановичу 8 августа 1943 года: «Вашу дружбу ценю более всего на свете».

Двух учёных связывала совместная работа.

«1 мая 1942 года.

...Я всё это время был чрезвычайно занят, очень интенсивно работал над своей книгой и, между прочим, совершенно неожиданно для себя понял вдруг, что такое симметрия, над которой я думал с 1881 г., следовательно, более 60 лет... Симметрия в приро-

де, т. е. на нашей планете, есть проявление пространства. Для меня это особенно важно, т. к. Вы, м. б., помните, я считаю, что пространство, занятое телами живых организмов, может быть объяснено не Эвклидовой — одной из Римановских геометрий...»

Далеко на западе идут жестокие бои, а в письме ученого — академическое спокойствие; он, один из выдающихся умов современности, приносит пользу Родине тем, что генерирует научные идеи.

И все же война безжалостно врывается на страницы письма академика.

«Я подбирал материал для «Пережитого и передуманного», разбираю для этого свой огромный архив, не знаю, справлюсь ли я с этим.

Ужасно чувствуется у нас отсутствие живого научного журнала. Не знаю, как мы выскочим из этого разорения научной работы, которое сейчас переживаем. И Украинская, и наша академия страшно пострадали...»

(16 мая 1944 г.)

«Очень беспокоюсь о Кулике, который был в окружении и не вернулся» — так Вернадский писал Драверту из Борового 13 января 1942 года.

Тревога оказалась не напрасной: один из талантливейших людей 20-30-х годов Леонид Алексеевич Кулик умер от тифа в бараке для военнопленных 14 апреля того же года. Он был живой легендой. Ему посвящали стихи Эдуард Багрицкий, о нем писали газеты. Поэтому несколько строк из письма В. И. Вернадского стоят того, чтобы на них остановиться.

Леонид Алексеевич первым в мировой науке начал изучение загадки Тунгусского метеорита, упавшего в глухой сибирской тайге в 1908 году. Подвижник, бессеребренник, он, отправляясь в одну из первых экспедиций на Тунгуску, по пути в Восточную Сибирь остановился в Омске и познакомился с Дравертом. Конечно же, они подружились на всю жизнь. Вместе читали лекции, писали в соавторстве статьи.

Опубликовано фото 1941 года: Кулик в солдатской шинели среди бойцов народного ополчения. В возрасте 58 лет он в июле 1941 года ушел добровольцем на фронт...

Напечатано его письмо к родным, написанное в начале октября 1941 года: «Большой привал на подступах к фронту. Полночь октябрьская. Силуэты строения. Мерно жуют кони. Бойцы лежат на земле под заборами и постройками. Глухое предбоевое напряжение: сдавленные голоса, зловещий шепот. И над всем в роскоши блеска — лучезарная синяя риза, искрящаяся непередаваемой красоты огнями, а посреди нее высоко над головой ровно льющий свой красноватый свет зловещий Марс, бог войны, бог разрушений и изуверства».

Вскоре Кулик попал в плен. О том, как он вел себя там, рассказывает другое письмо, полученное ячейкой общества Красного Креста Института геологических наук АН СССР от одного из его товарищей по несчастью:

«Леонид Алексеевич, сам больной и истощенный, дни и ночи находился среди раненых (военнопленных), помогая всем, что было в его силах, не гнушаясь никаким трудом. Рассказами о своей жизни, о нашей великой Родине Леонид Алексеевич как бы держал всех нас в родной стране, хоть на часы отвлекал от кошмара плена.

У него не было колебаний или сомнений. Все свои научные планы он строил только как советский ученый, убежденный в разгроме фашизма, в победе нашей Родины».

Именем Леонида Кулика назван кратер на обратной стороне Луны.

Простая история

Это очень простая история, произошла она, как принято писать, уже в наши дни. Нет в ней чего-нибудь необычного. И участники ее — самые обыкновенные, незаметные люди. И, тем не менее, в самой обычности ее видятся мне высокие и чистые человеческие помыслы — ответственность перед памятью, подлинная отзывчивость, подвижничество.

Передо мной — пачка писем на одну и ту же тему. Они, хоть и писались много лет спустя после окончания войны, но тоже могут быть вполне обозначены этими двумя словами — «Военная почта».

Первые, с которых все и началось, были адресованы Борису Михайловичу Шнайдеру — участнику войны, сражавшемуся в рядах сформированной в нашем городе 364-й стрелковой дивизии. После войны он стал активным членом Совета ветеранов этой дивизии.

Бориса Михайловича уже нет с нами, он так и не успел узнать, чем закончилась история, начавшаяся много лет назад.

«12 мая 1978 г.

Члену Совета ветеранов 364-й стрелковой дивизии
Шнайдеру Б. М.

К вам обращается мать пропавшего без вести в апреле 1942 г. сына моего — Кольцова Василия Григорьевича 1917 года рождения, призванного Куйбышевским райвоенкоматом 29 августа 1941 года из домашнего адреса: г. Омск, 20 Линия, дом 41 (ныне дом снесен). Из моей большой семьи все дети после войны проживают в разных городах, а я с дочерью в Ленинграде.

За период его службы получила я два письма в Омск:

18/12-1941 и 21/1-42 с обратным его адресом: действующая армия, полевая почтовая станция 1422, в/ч 1216 стрелковой полк, 2-я стрелковая рота.

Мне было вручено извещение:

«Ваш сын Кольцов Василий Григорьевич, находясь на фронте Великой Отечественной войны, пропал без вести в апреле 1942 года. Куйбышевский РВК г. Омск».

Прошу Вас: окажите помощь в его отыскании — хотя бы места, где он погиб, пропал или похоронен где. И вообще — что вам о нем известно?

Он был очень справедливым: драться, так только насмерть! Где же вы, его однополчане? Помните хоть что-либо о нем? Ваш адрес прислал из редакции газеты «Смена» в Ленинграде подполковник запаса Г. Браиловский. Он ведет отдел «Отзовитесь». Его была статья от 14/4-1978 г. «...А матери все ждуют...» И когда я написала в редакцию, то он прислал 4 адреса, и я по всем написала, обратилась.

Помогите установить место моей дорогой пропажи. Где и как он мог отстать от своего полка?

Я получаю за погибшего пенсию, но никакой успокоенности нет в старости...

Поиск начала дочь после поездки в поселок Шапки 5/2-1978 поездом «Лыжная стрела», где у могилы павшим за Родину омичам-сибирякам сделан памятник.

Ведется усиленная переписка и еще пока нет конца ей. Моя дочь — тоже пенсионерка по старости, так мы и живем на две пенсии вдвоем. Но Василий перед глазами нашими, а где он?

Наш адрес: г. Ленинград, улица Шевченко.

Мать-Кольцова Мария Федотовна.

Сестра-Кольцова Клавдия Григорьевна.

Будем ждать от Вас любого содержания ответа».

Вот такое письмо пришло в Омск. Оно, как мне кажется, не нуждается в комментариях: материнская неутешная боль тронет любое сердце.

Мне дважды доводилось бывать в поселке Шапки, о котором упоминалось в письме. Живописный поселок, красивейшие грибные места, чистейший воздух — ленинградцы любят отдыхать здесь. Оба раза мое гостевание в Шапках приходилось на осень.

Хозяйка дома, в котором мы остановились, работавшая кассиром, как-то попросила меня сходить с ней в соседнюю деревню: друзья выделили ей часть своего богатого морковного урожая, нужно было донести. Мы прошли километра два по лесной тропе, и женщина вдруг остановилась:

— Вот здесь мы со старшими жили в войну. Отец воевал, а всем шапкинским немцы приказали из поселка уйти, вот и нарыли мы себе в лесу землянок... А в Шапках один лишь дом целым остался, там у них штаб был.

Я с трудом рассмотрел под елками полуобвалившуюся яму, заросшую дурниной. Потом, уже дома, когда мы вернулись с морковкой, хозяйка, видимо, разбередив себе душу в лесу, показала мне фотографию старших детей в семейном альбоме:

— Гляди, как мы жили после войны.

Дети, мальчик и девочка, были одеты в безобразное рванье. Больше надеть было нечего даже перед фотографом.

Подбородок женщины и руки ее, держащие альбом, дрожали. Так тяжело ей было вспоминать те бездомные годы. А ведь на дворе стояла середина 70-х, тридцать с лишним лет прошло...

Через несколько дней я помогал хозяевам копать картошку. Часто в земле попадались камни, которые мы отбрасывали к забору, но нередко и другое — проржавевшие кусочки металла — следы войны.

Когда здесь погибли наши земляки, возле могилы которых сестре Кольцова пришла мысль заняться поиском брата, Шапки были превращены в сильно укрепленный пункт. Здесь был жестокий бой. Взяв поселок Шапки, товарищи Кольцова по 364-ой дивизии, двинулись под город Тосно — последний оплот гитлеровцев на Октябрьской железной дороге, связывающей Ленинград и Москву. Именно за освобождение Тосно (а это произошло 26 января 1944 года) дивизия стала именоваться Тосненской.

Но Кольцов пропал без вести задолго до этого, в апреле 1942 года. Тогда дивизия сражалась под Старой Руссой. Это немаловажное обстоятельство и помог выяснить его семье Совет ветеранов.

Вскоре в ленинградской молодежной газете «Смена» появилось обращение М. Ф. Кольцовой «Ищу однополчан сына». В поиск включились многие люди, в том числе бывший командир 364-й стрелковой дивизии В. А. Вержбицкий.

«25/12-1978 г.

Дорогой Борис Михайлович и члены Совета ветеранов 364 стрелковой дивизии!

...Поговорила по телефону с Виктором Антоновичем Вержбицким, и он посоветовал написать на город Старую Руссу (на исполком) запрос: существует ли в настоящее время деревня Чернышево?

Сегодня, 25 декабря 1978 г., на мой запрос от 23 ноября получили ответ нижеследующего содержания:

«Уважаемая Мария Федотовна и Клавдия Григорьевна!

На Вашу просьбу исполком Старорусского Совета народных депутатов Новгородской области сообщает, что деревня Чернышево, к сожалению, в настоящее время не существует.

Рекомендуем вам обратиться к красным следопытам Ефремовской средней школы Зехинского сельсовета, на территории которого располагалась эта деревня.

Коллектив школы ведет большую поисковую работу, обширную переписку с участниками боев на старорусской земле.

Возможно, что они располагают какими-то сведениями о ветеранах воинской части, в составе которой воевал ваш сын и брат.

С уважением к вам — председатель исполкома Н. И. Гражданкин».

Вот что нового узнала о силе боев на новгородской земле! Деревня уничтожена войной, а мы хотим найти хоть память о тех, кто знал нашего Кольцова».

Переписка между Кольцовыми и Советом ветеранов продолжалась. По одному из писем видно, что не один Василий в этой семье был защитником Родины. Его брат Сергей Григорьевич сражался в 308-ой стрелковой, знаменитой Рогачевской, дивизии, воевал с первых дней войны и дошел до Берлина. Участвовал в войне и другой брат — Александр Григорьевич, все они были рядовыми солдатами.

А в поиск включались все новые и новые люди. И по письмам видно, что они воспринимали беду Кольцовых как свою собственную, пытались делать все возможное, чтобы помочь им.

«17.02.1979 г.

С праздником, Борис Михайлович, вся ваша семья и все ветераны 364 стр. дивизии! С днем рождения Советской Армии!

...Сообщаю вам о получении ряда писем.

Г. Старая Русса, улица Тахирова, Кочкарева Нина Ивановна пишет:

«Ваше письмо мне передали из Ефремовской восьмилетней школы, где я работала директором и вела 10 лет поисковую работу. У меня есть много адресов бывших воинов из г. Омска, если вы хотите иметь с ними связь, то сообщите, я напишу.

Деревни Чернышево и деревни Воскресенское теперь нет. В годы Великой Отечественной войны они были полностью уничтожены, никто из жителей не вернулся, и деревни не были восстановлены. Спросить очевидцев этих страшных дней не удалось.

Ничего не знаем о рядовом Кольцове В. Г.

В военкомате Старой Руссы мне сказали, что в похоронных книгах Кольцов В. Г. не значится — ни по д. Чернышево, ни по д. - Воскресенское, не значится и на кладбище, куда производили после войны перезахоронения. В военкомате мне посоветовали передать вам, чтобы вы сделали запрос в ленинградский военкомат, они сделают запрос или в омский РВК или в Москву — в Центральный Архив по кадрам военнослужащих Великой Отечественной войны. Там должны быть точные сведения. Затем вы пришлете копию сюда, тогда вашего сына внесут в список захоронений нашего района.

Не должно быть без вести пропавших, есть только героические погибшие за нашу Родину, наше счастье.

Кочкарева Н. И.»

Сегодня, 17.11.1979 г., получила ответ из Москвы на запрос из отдела наград (спасибо вам за совет и адрес):

«Уважаемая Мария Федотовна!

На ваше письмо сообщаем, что по данным Управления кадров Кольцов Василий Григорьевич награжденным орденами и медалями не значится.

В Главном управлении кадров учета рядового и сержантского состава не ведется, в связи с чем сообщить какие-либо данные о Вашем сыне не представляется возможным. Рекомендую обратиться в Центральный Архив Министерства обороны СССР — г. Подольск Московской области».

Туда мы писали, и они ничего не знают.

Так что из всех поисковых 60 полученных писем с 5.3.1978 г. по 17.11.1979 г. в наш адрес нет ничего утешительного.

...Сроков его возвращения домой прошло уже 37 лет. Где же наша пропажа? Ни в живых, ни в мертвых...»

«Ни в живых, ни в мертвых». Нетрудно представить, какая неизмеримая тяжесть стоит за этими словами.

Шли годы. Но надежда не оставляла ни тех, кто искал, ни тех, кто помогал в этом благородном поиске. И вот появилась в газете «Смена» под рубрикой отдела «Отзовитесь» заметка «Еще одно имя». В ней цитируется письмо К. Г. Кольцовой (мать солдата к тому времени уже скончалась):

«Рада сообщить, что поиск мой успешно завершился. Присланные вами адреса ветеранов 364-ой стрелковой дивизии в итоге оказались теми ниточками, что протянулись из 85-го в 42-ой и вывели меня к деревне Байново Старорусского района Нов-

городской области, где покоятся останки брата. Горячо благодарю представителей авторемонтного завода и местных жителей, встретивших меня как дорогую гостью. На братском кладбище я сосчитала все мемориальные доски, их там 52, на каждой по 42 фамилии погибших воинов. Я обошла все доски и оставила около них подарки всем лежащим под плитами...»

И тут же рядом в газете напечатаны новые письма других людей: «пытаюсь установить судьбу сына...», «мой муж воевал на Ленинградском фронте, связь прервалась в 1943 году...», «Может отзовутся сослуживцы моего отца...», «Ищу следы брата...»

Я написал в редакцию «Смены» Григорию Ильичу Браиловскому, попросил его рассказать о рубрике «Отзовитесь». Он прислал вырезку статьи «А письма продолжают идти», статья эта напечатана 13 ноября 1984 года — в день, когда рубрике исполнилось 15 лет. И вот цифры: около 500 солдатских имен вычеркнуто из списка пропавших без вести; особенно дорогая цифра — 90 (!) человек в результате поиска было найдено — 90 счастливых встреч подарено людям; около тысячи ветеранов нашли друг друга. Сколько горькой радости за этими цифрами!... Как огромны человеческие потери минувшей войны и как велико благородство наших людей, до сих пор ищущих и помогающих искать!

Больше ста писем получили Кольцовы за долгие годы поиска. А ведь это только один случай. Сотни газет, десятки различных организаций, тысячи людей занимаются подобной работой.

Написал я сестре Кольцова Клавдии Григорьевне. Попросил сообщить некоторые подробности поиска. Вот что она написала в ответ.

«28.03.86 г.

Я над вашими вопросами задумалась. Дело в том, что у меня на руках писем поиска нет. Мною и сестрой вручен бесценный дар семилетнего поиска коллективу учащихся и педагогов на уроке мужества в спортивном зале средней школы поселка Новосельский Старорусского района Зехинского сельсовета... Они шефы военного захоронения в д. Байново».

И дальше излагается схема поиска. Приведу ее, т. к. мне хочется назвать все фамилии людей, пришедших на помощь Кольцовым.

«1/ Поездка в выходной день на поезде «Лыжная стрела» в марте 1978 г. Рассказ инструктора по туризму Желиковой Люд-

милы Николаевны в поселке Шапки Тосненского района у могилы погибших омичей-сибиряков 364-й стрелковой дивизии, в которую был призван в августе 1941 года в Омске мой брат...

2/ Поездка снова в Шапки, в 8-летнюю школу, где Пименов Евгений Петрович повел к учительнице Богдановой Нине Васильевне, у которой были адреса омичей из 364-й дивизии.

3/ Обращение в «Смену», где подполковник запаса Григорий Ильич Браиловский поместил обращение «Ищу однополчан» от 20.05.1978 г. и прислал список совета ветеранов Омска.

4/ Обращение в Омске — к председателю и секретарю Совета ветеранов 364 стр. дивизии.

5/ Письма в Подольск, Красный Крест, Наградной отдел и ряд других органов.

6/ Ответы от ветеранов 364 дивизии. Все указывали на местонахождение 1216 стрелкового полка в районе Старой Руссы — в южном направлении между рек Порусья, Редья и Ловать. Ожесточенные бои за д. Чернышево, Воскресенское и другие места были указаны в письмах.

7/ Поездка на курорт «Старая Русса» с 28 декабря 1984 года по 20 января 1985 года со всеми материалами поиска.

8/ С экскурсоводом Ершовой Светланой Васильевной пошли в Старорусский объединенный военкомат, где тов. Никитин Николай Иванович внимательно рассмотрел наши документы, а затем у себя проверил участие воинских частей на старорусской земле и рассказывал, что деревни нет — она сожжена и не восстановлена. «Там мы установили, — сказал он, — место захоронения с ближайших пунктов боев, и останки вашего брата находятся на воинском захоронении в дер. Байново Зехинского сельсовета».

Вот сколько настоящих — сердечных, отзывчивых людей встретилось во время поисков семье погибшего солдата.

С волнением рассказывает в конце письма Клавдия Григорьевна о своих посещениях Байновского мемориала, о том радушии, с которым встречали ее и других ее родственников те люди, чьи родные места защищали в 42 году рядовой Кольцов и его однополчане.

А вот два письма, полученных мною от староруссцев.

Военный руководитель Новосельской средней школы Владимир Николаевич Васильев:

«Весь поиск велся через однополчан, оставшихся в живых. Выяснилось, что он (Кольцов) погиб в бою за д. Соколово Старо-

русского района... Стало это известно только в 1985 году, поэтому его фамилия занесена на мемориальную доску воинского захоронения в д. Байнового, что недалеко от Соколово...

Кстати, в литературе очень мало сведений о боевых действиях 364-ой дивизии на старорусской земле, упоминаются отдельные операции в связи в Рамушевским коридором, хотелось бы теперь знать больше о действиях Тосненской дивизии в наших краях... Нам в школу пишут много писем с просьбой разыскать место захоронения того или иного солдата, и мы, сверяясь с данными военкомата, делаем эту работу. Многие родственники теперь знают место гибели и захоронения близких людей.

Братское кладбище в д. Байново стало так именоваться в начале 60-х годов, раньше вдоль дороги стояли отдельные памятники...

У д. Байново было решено сделать одно воинское кладбище.

Производились перезахоронения, а фамилии солдат вписывались в мемориальные доски. Сейчас там около 2,5 тысяч надписей... За этим мемориалом ухаживают школьники Новосельской школы и рабочие Старорусского АРЗ. На старорусской земле насчитывается 100 таких воинских захоронений».

Нештатный экскурсовод музея Северо-Западного фронта С. В. Ершова:

«Немцы здесь (в Старой Руссе) были с 9 августа 1941 года по 18 февраля 1944 года. Город был полностью разрушен, уцелели четыре дома... Всю войну город простоял на линии, где находилась самая передовая Северо-Западного фронта.

По «грубым» подсчетам статистиков за наш город погибло 200 тысяч солдат, (а если взять местное население, ведь не все эвакуировались, цифры совсем будут другие). Много героизма проявили партизаны, ополченцы, совсем дети: Леня Голиков, Дмитрий Соколов, получившие звание Героя Советского Союза. Здесь погибли Наташа Ковшова, Мария Поливанова, сын М. Фрунзе — Тимур Фрунзе; сражались старшая сестра Ю. А. Гагарина, приемный сын Ульяновой-Елизаровой, дочь Подвойского — Лида, правнук А. С. Пушкина Григорий Григорьевич Пушкин, поэты М. Светлов, М. Матусовский.

Город наш — курорт, а поэтому каждый месяц 1,5 тысячи отдыхающих! Конечно, с ветеранами общаюсь часто, помогаю находить боевых друзей — и живых, и мертвых. Сколько людей приезжает с похоронками! Ездим по (бывшей) передовой, по деревням, ищем; всегда поражаю их (ветеранов) памяти! Они

ищут глазами бугорки, мельницы, овраги — все помнят, даже расположение штабов.

Годы идут... Их все меньше, а в каждом ветеране я вижу частицу своего погибшего отца. Вот, наверное, поэтому нет покоя, если кого-то просят найти. Пишу, звоню — вплоть до Центрального Архива Министерства обороны. Жаль, что времени мало, а хочется помочь многим».

А потом по совету Клавдии Григорьевны я сходил в музей омских связистов — до войны Василий Кольцов работал в этой системе, сопровождая почту на Крайний Север. Мне показали старую фотографию, где он снят в числе товарищей по действительной службе. У него обыкновенное русское лицо, внимательный, направленный в объектив взгляд.

Обыкновенное лицо, обыкновенная судьба, за которой судьба нашей спасенной земли.

*Воинское
захоронение
в деревне
Байново
Старорусского
района
Новгородской
области*

*Фотопроизведения
В. Резниченко*